

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

А. Г. КОЗИНЦЕВ

ЯЗЫК—РЕАЛЬНОСТЬ—ИГРА—СМЕХ

Антропологические фрагменты

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 8
ББК 81
К 59

*Утверждено к печати
Ученым советом Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Рецензенты:

Л. Б. Вишняцкий

(д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института истории материальной культуры РАН),

И. Э. Клюканов

(д-р филол. наук, профессор Восточно-Вашингтонского университета),

В. А. Петровский

(д-р психол. наук, профессор Высшей школы экономики)

Козинцев А. Г.

К 59 Язык — реальность — игра — смех: Антропологические фрагменты. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 368 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-907498-60-0

В книге собраны тексты, написанные автором за последнюю четверть века. Их объединяет тема уникальности человека — существа, наделенного речью и осознающего свою биокультурную двойственность. Под углом зрения этой двойственности обсуждается широкий круг вопросов — от метафизики до политики и от религии до эстетики комического. Некоторые тексты уже публиковались в России, другие оставались неопубликованными, третьи были изданы только на Западе и российскому читателю неизвестны, четвертые написаны специально для этой книги.

Ввиду содержательной и стилистической разнородности текстов книга не имеет единой целевой аудитории. Но мы надеемся, что по крайней мере некоторые ее разделы заинтересуют специалистов, работающих в разных областях гуманитарной науки, а также непрофессионалов, задумывающихся о природе человека.

**УДК 8
ББК 81**

*В оформлении переплета использована
картина Р. Магритта из серии «Условия человеческого существования»*

ISBN 978-5-907498-60-0

© Козинцев А. Г., 2024
© Издательский Дом ЯСК, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Религия глазами антрополога	15
1.1. Происхождение человека: что мы знаем и во что верим? ..	15
1.2. Необъясненная религия.	26
2. Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон	36
2.1. Икскуль и Пирс. Существует ли биосемиотика?	36
2.2. Два интерпретанта	42
2.3. Редукционистское понимание глоттогенеза: Дарвин против Декарта	47
2.4. Языковой Рубикон, сальтационизм и антидарвинизм: необходимая связь?	68
2.5. От Павлова и Выготского к Дикону и Томаселло	73
2.6. Семиотический треугольник и вторая сигнальная система	78
2.7. Язык и СКЖ: слом барьера, а не усовершенствование ...	87
2.8. Вперед к Выготскому: язык как социальное явление	93
2.9. Возникновение языка	98
2.9.1. Поздняя революция?	98
2.9.2. Раннее возникновение и дальнейшая эволюция? ..	106
2.9.3. Компромисс Рогинского и протоязык	109
3. Эмоции и свобода воли	112
3.1. Метаистория эмоций: врожденные программы и/или культурные модели	112
3.2. Переписка с В. А. Петровским о свободе воли	122
4. В чем (еще) был неправ Фрейд?	126
4.1. Сознательное и бессознательное в детском примирении. .	126
4.2. О фасаде анекдота и о том, что за ним таится	128

5. Уничтожение содержания формой: от Шиллера до русского формализма	132
6. Смех, плач и прочие паралингвистические знаки.	138
6.1. Переписка с Г. Е. Крейдлиным о невербальной семиотике, языке, реальности и наивной картине мира	138
6.2. Смех, плач, зевота: психология чувств и/или этология общения	152
6.3. Феномен «смех-плач»: о различии сходного	165
6.4. Чувства и роли в традиционной и посттрадиционной культуре: о сущности и культурных смыслах смеха и плача	171
7. Общие проблемы комического	183
7.1. Кант и смех	183
7.2. Эволюционное бегство: С. М. Эйзенштейн и теория комического	197
7.3. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора	217
7.4. Переписка с К. М. Шилихиной об иронии и юморе	236
8. Жанры комического: трикстериада, (анти)паремия, анекдот, телешоу.	241
8.1. О функции трикстера	241
8.2. Заметки о русских антипословицах	255
8.3. Анекдоты о Сталине и теория комического	267
8.4. Переписка с А. Крикманном об анекдотах и их персонажах	285
8.5. «Куклы» Виктора Шендеровича: гнев и шутка	292
Послесловие	309
Литература	312
Предметный указатель	349
Именной указатель	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

На обложке этой книги — репродукция одной из картин Рене Магритта из серии «Условия человеческого существования». Назовем эту репродукцию отображением четвертого уровня (далее увидим почему). Перед нами оптическая иллюзия, кажущаяся предельно простой. Здесь нет ни зеркал, которые отражали бы позирующих персонажей, ни самих персонажей, ни художника, их воспроизводящего, как на полотнах ван Эйка и Веласкеса.

У Магритта все проще. На картине внутри картины (это отображение третьего уровня) — пейзаж, который точно вписывается в «подлинный» пейзаж за окном. Перенесемся силой воображения в эту комнату, протянем руку к картине на мольберте и коснемся холста. Обман разоблачен! «Критерий истины — практика», — вспоминаем мы затверженную мысль. А теперь перенесемся в музейный зал и протянем руку к той части картины, на которой «подлинный» пейзаж (впрочем, лучше не надо, ведь музейные правила это запрещают). Поэтому коснемся изображенного пейзажа лишь мысленно — увы, под пальцами будет тот же холст с тем же красочным словом. Это отображение второго уровня. Выясняется, что разоблачили мы не художника, а сами себя: думали, что созерцаем одновременно реальность и ее образ, но оказалось, что перед нами всего лишь два уровня отображения.

Если бы мы вновь попали в изображенную художником комнату, то, конечно, увидели бы за окном «подлинный пейзаж». Это отображение первого уровня — уже не на холсте, а в нашем сознании. А ну как и это иллюзия? Но проникнуть глубже уже не получится. Воспринять саму реальность (ее можно было бы условно назвать отображением нулевого уровня) нам не дано. И даже если бы мы ее каким-то чудом все-таки восприняли, то, как заметил проницательный Кант, и в этом случае воспринятое тоже — по определению! — было бы не самой реальностью, а ее отображением в нашем сознании. «Вещь сама по себе» принципиально невоспринимаема именно потому, что

она вне нашего сознания. Данная проблема (а вокруг нее вращается вся философия) принципиально неразрешима.

Психические и физические феномены образуют таинственное и неразрывное единство. Тайна в том, что, хотя первые словно специально созданы, чтобы отражать вторые (в этом вроде бы и состоит единственная их функция), самого процесса отражения мы не видим и, что самое обескураживающее, никогда не увидим. Никакая «теория отражения» нам тут не поможет¹. Об этом прекрасно написал психолог Л. М. Веккер (1998):

Другие встречающиеся в природе и технике виды предметных изображений в меру доступности их оригиналов чувственно-му восприятию доступны ему и сами. Механический отпечаток, фотографическое, телевизионное или киноизображение в такой же мере чувственно воспринимаемы, как и их объект. Более того, самая эта их чувственная доступность определяет их функцию и существо. Психический же процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Эта прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве.

Прозрачность и невоспринимаемость... Что за наваждение! Разве наука о мозге не способна помочь нам разобраться в этом? Увы, нет, ибо проблема лежит не в естественно-научной, а в логической плоскости. Вот зачем Л. Витгенштейну (2017/1921: 176) понадобился «метафизический субъект», который, в отличие от психологического, является не частью мира, а границей мира: «Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И ни из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом».

Равным образом, ни из чего в уопостижаемом мире нельзя заключить, что психологический субъект, которого изучают эволюционная антропология и наука о мозге, первичен, а метафизический вторичен. Единственное, на что может сослаться психологический

¹ Обзор теорий, пытающихся разными способами (большой частью неудачно) найти подход к этой тайне, см., например: Ревонсуо, 2013.

субъект в споре о первородстве с метафизическим субъектом — это, во-первых, то, что не только с естественно-научной, но и с логической точки зрения он должен предшествовать метафизическому субъекту, а во-вторых, то, что его страшит солипсизм (опровергнуть который он не может). К солипсизму, кстати, и пришел Витгенштейн, см. послесловие.

Выражение “*La condition humaine*” (название картины Магритта) иногда переводят как «Удел человеческий», что подчеркивает бесплодность наших попыток увидеть одновременно и сам предмет, и его отображение в сознании. Ломать голову над тем, насколько реальна реальность, отображать ее, давать ей какие-то имена, прорываться к ней сквозь кажимость свойственно только существу, наделенному речью — человеку. В главе 2, посвященной уникальности человеческого языка, я к этому вернусь.

Пьеса Александра Блока «Балаганчик» показывает то же самое средствами театра. Ее обычно связывают с символизмом, на мой же взгляд, она куда реалистичнее всех пьес А. Н. Островского, вместе взятых. С самого начала на сцене появляется Автор². Но едва он вмешивается в игру, как некая рука утягивает его обратно за кулисы. Одному из актеров — Арлекину — наскучивает представление, и он выпрыгивает в окно, которое оказывается нарисованным на бумаге. Разрывая ее, Арлекин прыгает в пустоту. В разрыве видна Смерть. Актеры бросаются враспынную. Автор снова пытается вмешаться — но декорации взрываются вверх. Маски вместе с Автором убегают. Остается Пьеро, жалующийся — не актерам (их никого не осталось), а нам, зрителям, — на то, что невеста его оказалась картонной. Сосчитайте, сколько уровней отображения в этой игре — четыре? пять? больше? К комедии дель арте я еще вернусь в разделе 8.5, посвященном «Куклам» В. Шендеровича, а сейчас скажу, что у животных театра нет (хотя Н. Н. Евреинов пытался доказать обратное). У человека между тем не просто есть отдельная от жизни игра в жизнь, но

² В отличие от ван Эйка и Веласкеса, Магритт скрыл художника, а ведь мог бы показать, да не одного, а сразу двух — и автора картины на мольберте, и себя самого. А мог бы еще и зрителей, обсуждающих картину, как в метапьесе Гоголя «Театральный разъезд» (см. раздел 8.5). «А мог бы и Бога, который ставит перед человеком эти неразрешимые загадки», — возможно, скажет кто-нибудь. Я к этим словам отношения не имею, а потому ограничусь тем, что начну книгу с главы, где обсуждается религия. Первый ее раздел (1.1) адресован в основном верующим, второй же (1.2) — рьяным атеистам, считающим религию досадным недоразумением, сбоем в работе мозга.

и сама жизнь в высшей степени напоминает театр — настолько, что не быть актером человек не способен по своей сути. Об этом пойдет речь в разделе 6.4.

А сейчас вернемся к отображениям реальности. Одно из самых знаменитых описано в мифе, который пересказывает Сократ в диалоге Платона «Государство» (кн. VII):

— Посмотри-ка, — говорит он собеседнику, — ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. <...> За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Станный ты рисуешь образ и странных узников! — недоумевает собеседник.

— Подобных нам. <...> Разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры? <...> А предметы, которые проносят там, за стеной; не то же ли самое происходит и с ними? <...> Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят? <...> Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени? <...> Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов. <...> Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройти, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше.